

Социальное и культурное пространство воспроизводства гендерных отношений

Вержибок Г.В., *Минский государственный лингвистический университет
(Беларусь)*

В статье раскрывается иерархизированное построение общественных структур, определяющих характер гендерных отношений и индивидуальных представлений о «мужском» и «женском». Сделан анализ современного состояния социокультурной детерминации человека и гендерных отношений, предлагается авторская модель гендерной культуры и ее апробация на студенческой выборке. Предлагаются примеры индивидуальных показателей и даны рекомендации для практических действий.

Ключевые слова: гендерные отношения, гендерные представления, социальное пространство, культурное пространство.

Анализ современной ситуации в мире, информатизация социокультурных процессов, гуманизация общественных отношений приводит к осознанию согласованности и взаимозависимости различных элементов общественных отношений. Изучая личность в целом, нельзя не учитывать специфику каждой области ее жизнедеятельности через включение в систему разнообразных социально-ролевых отношений. Открытие «гендера» в научно-практическом осмыслении стало методологическим ключом к пониманию сути социокультурной детерминации человека и гендерных отношений (В.П. Багрунов, О.А. Воронина, И.В. Грошев, Е.А. Здравомыслова, В.Е. Каган, И.С. Клещина, И.С. Кон, Л.Н. Ожигова, Н.Л. Пушкарева, Г.Г. Силласте, А.А. Темкина, А.А. Чекалина, R. Connell, A. Giddens, R. Helmreich, T. Parsons, V. Pfau-Effinger, J. Spence и др.). Гендерные отношения, воспроизводимые на микро- и макроуровнях, детерминированные ценностными ориентациями, социальной ролью и статусом личности, проявляются в экономической, правовой, социальной, политической и нравственной сферах общества. Сегодня *гендерная парадигма* является одной из важных составляющих анализа общественных отношений, предлагая научному сообществу модель постановки проблем и их решений (Т. Кун). В поле зрения гендерных исследователей находятся такие проблемы, как гендерная социализация (Н.К. Радина, Т.А. Репина), кризис маскулинности и феминности (В.Е. Каган, Е.Ю. Мещеркина, И.Н. Тартаковская), характер распределения семейных обязанностей (Т.А. Гурко), культура отношений (И.С. Кон), репродуктивное право (Е.А. Баллаева). Различные процессы развития человека так или иначе включены в гендерную систему, поэтому вопросы, требующие своего рассмотрения в области пола, «распадаются на множество спорных, интригующих и дискуссионных тем» [1].

В условиях культурной трансформации происходит распространение различных моделей стилей поведения, фиксируется индивидуализация отношений. Гендерные отношения носят легитимный характер или нелегитимный субъектный характер (С.В. Королева, 2006). Непрерывная

динамика изменений гендерных диспозиций, что в решающей степени вызвано сглаживанием и размыванием стереотипов (И.С. Кон, И.С. Клецина), закрепленных нормативом культурной среды (M. Kimmel, D. Matsumoto), разрушение традиционного для патриархальных структур гендерного баланса сил (Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина), доминирование феминного фактора, непрерывно укрепляющего свои позиции в культуре (Л.М. Богатова), отклонения в гендерной социализации, навязанные культурными схемами (Н.Л. Пушкарева, Н.И. Радина), нивелирование ценности семейно-брачных уз и материнства (А.В. Верещагина, Г.Г. Филиппова), гендерная нетерпимость, нечувствительность к вопросам права выбора индивидом своей гендерной роли и идентификации (И.С. Кон, И.С. Клецина), противоречивость и нечеткость теоретических конструкторов (О.А. Воронина, Г.Г. Силласте), слабая информированность и противоречивость позиций порождают все большее число девиационных форм и гендерных конфликтов, актуализируя изучение социокультурных аспектов половой дифференциации в процессе обретения своего «Я» и в ходе проработки личностью траекторий жизненного пути.

Эти социальные сдвиги вызывают перемены и в культурных стереотипах маскулинности и феминности, которые стали сегодня менее полярными и отчетливыми, они как никогда ранее весьма противоречивы: традиционные черты в них переплетаются с современными и они значительно полнее, чем раньше, учитывают многообразие индивидуальных вариаций, отражая не только мужскую, но и женскую точку зрения. В новом социокультурном контексте подвергаются изменению и «социализированный индивид», входящий в «новые сектора объективного мира своего общества» (A. Giddens, 1994), и агенты социализации [2], стимулирующие воспроизводство или модификации гендерных норм и практик. Включение *гендерной парадигмы* в проблемное поле психолого-педагогических исследований в виде культурно-символического, нормативно-интерпретационного, социально-институционального, индивидуально-психологического анализа гендерной стратификации позволяет рассматривать «мужское–женское» в виде многоуровневой системы биполярной целостности. Для уточнения позиций и характера отношений, необходимо проанализировать эти содержательные компоненты.

Социальную структуру можно определить как генеративные (порождающие) правила и средства (ресурсы), организованные как имманентные свойства социальных систем, благодаря которым обеспечивается связность времени и пространства. Они существуют исключительно как «структурирующие свойства», которыми определяются базовые характеристики социальных систем или коллективных образований, состоят из практик, организованных как взаимозависимость субъекта действия и группы (A. Giddens). Понимание действующими индивидами себя и своей социальной среды связано с переоценкой влияния господствующих систем идеологических символов на низшие классы. Группы наиболее влиятельного класса оказываются наиболее сильно приверженными господствующим идеологиям. Введение в гендерные исследования концепции хабитуса П. Бурдьё и теории

структурации Э. Гидденса позволяет преодолеть ограничение социально-конструктивистского подхода в аспекте концентрации внимания на микроуровне социальных взаимодействий [3].

Конструирование гендера всегда связано с властной составляющей социальных отношений. По утверждению П. Бурдьё [4], в иерархическом обществе не существует пространства, которое не было бы иерархизировано и не выражало бы социальные дистанции. Выделяют факторы социальной стратификации, взаимосвязанных, но в существенных отношениях – независимых. Это включает следующие позиции, определяющие три основных компонента неравенства групп (М. Weber, 1904-1905):

- «богатство» – имущественное неравенство как неодинаковая возможность получения доходов и приобретения товаров;
- «престиж» – статусность как особый образ жизни;
- «власть» – способность человека (группы) достигать желаемого, намерение сделать что-то, несмотря на возможное сопротивление, противодействие со стороны окружения (М. Weber), это способность предпринимать действия или вести определенную политику (А. Giddens), реализовывать планы, производить результат, это свойство социальной общности, вторичное по отношению к нормативному характеру социальной жизни (Т. Parsons).

«Действующие» люди (акторы) предъявляют друг к другу ожидания, которые составляют непереносимое условие действия каждого, часть его ситуации, а системы стандартизованных ожиданий, рассматриваемые относительно их места в общей системе и достаточно глубоко пронизывающие действие, условно называются институтами (R.K. Merton, 1967). Это стабилизирующая часть социальной структуры, весьма четко она воплощает в себе типы общей ценностной интеграции системы действия. Социальное действие предлагает в качестве исходной единицы анализа не общество в целом, не личность и не культуру, а отдельное действие (Т. Parsons). Систему властных отношений как отношения автономии/зависимости, взаимобратимых и связанных между собой форм подчиненности, организуют определенные средства – *ресурсы*. Необходимо подчеркнуть, что субъект, который не участвует в «диалектике контроля», перестает быть субъектом действия [22]. Процессы направленных изменений управляются системой «контролирующих фильтров» (А. Giddens), посредством селективного информационного отфильтровывания акторы пытаются рефлексивно регулировать общие условия системного воспроизводства с тем, чтобы либо поддержать, либо изменить существующее положение вещей.

Классификация мира по признаку мужское/женское, половой символизм культуры отражают и поддерживают существующую *гендерную иерархию* общества, соотношение власти и доминирования, утверждаемых в обществе посредством стратификационного порядка. Идея стратификации предполагает, что гендер существует одновременно в структурном делении общества, в его символических значениях, в индивидуальных идентичностях. Другими словами, женщины и мужчины вместе (и по отдельности) производят и

воспроизводят целостную человеческую жизнь, социальные и культурные структуры, также как самих себя и друг друга как существ определенного пола (R. Connell, 2000). Различия между полами связаны с гендерными, ролевыми характеристиками (Archer, Parker, 1994). Биологические различия, которые присущи мужчинам и женщинам, в культуре преобразуются в ряд социальных ожиданий в отношении того, какие модели поведения следует считать «мужскими», а какие «женскими». Гендерные модели поведения характеризуются строгой иерархией: *мужское* начало связывается с главенством, властью, *женское* – представляется как второстепенное, подчиненное, и это воспринимается как естественно данное. Однако многие выделяемые черты нельзя строго отнести к фемининным или маскулинным, скорее, это индивидуально-личностные особенности человека (Т.В. Моисеева, 2006). Суламифь Файерстоун в своей «Диалектике пола» отмечала: «Если природа сделала женщину отличной от мужчины, то общество сделало ее отличной от человека».

Проводя кросс-культурные сравнения, немецкая исследовательница Б. Пфау-Эффингер (1998, 2000) установила, что *гендерная культура* выступает как часть всей культурной системы общества (рис. 1) и «охватывает чувственные конструкты, подобные ценностям и идеалам, связанным с гендерными отношениями» [6, 21]. Среди них доминируют в соответствующем контексте времени и пространства определенные идеи как итог предшествовавшего процесса интеракций социальных акторов различной силы. Эти ценности и идеалы – главный референтный пункт для институтов, частично реализовавших их в виде норм и поведения индивидов, благодаря чему они воспроизводят или меняют социальные структуры.

Соответствующий гендерный уклад формирует рамку, созданную гендерной культурой и гендерной системой. На этом выстраивается определенный культурно-символический дискурс «мужского-женского» в общественном мнении, обыденном сознании. Изменения в укладе взаимосвязаны с более общими процессами перемен в обществе. «*Гендерный уклад*» как система координат создается гендерной культурой (ценностями, идеями и идеалами), гендерной системой (институтами), социальными практиками и коллективными действиями, изменяясь в ходе конфликтного взаимодействия и переговоров социальных акторов [6].

Рисунок 1. Взаимодействие культуры, институтов и социального действия в гендерном укладе (В. Pfau-Effinger, 1998).

«Гендерная культура и гендерная система есть результат конфликтов и процессов переговоров социальных акторов в предшествующий период истории, они также могут быть предметом дальнейшего изменения. Противоречия, развивающиеся на уровне гендерной культуры или в гендерной системе, конфликты, борьба и процессы переговоров между социальными акторами могут привести к культурным и социальным переменам в рамках гендерного уклада. Перемены гендерной структуры взаимосвязаны с культурными и институциональными переменами, однако только ими не определяются» [6, стр. 26-28].

Шведская исследовательница Ивоин Хирдман определяет гендерную систему как совокупность *гендерных контрактов*, регулирующих отношения между мужчинами и женщинами на уровне представлений, формальных и неформальных правил и норм, представляют собой доминирующие в обществе типы гендерных практик и репрезентаций. Финская исследовательница Л. Ранталайхо рассматривает контракт как правила взаимодействия, права и обязанности, определяющие разделение труда по признаку пола в сферах производства и воспроизводства, взаимно ответственные отношения между женщинами и мужчинами, в том числе, принадлежащими к разным поколениям [7, 9]. Австралийский исследователь Роберт Коннелл, отказываясь от использования термина «гендерная система», вводит понятие «*гендерная композиция*» [8]. Гендерная композиция есть совокупность повседневных практик и структурных условий, организующих различие полов и отношения между ними, складывается как мозаика разнообразных стратегий в конкретных исторических контекстах социального взаимодействия. Понятие «*гендерный порядок*» обозначает взаимообусловленность социальных институтов и гендерных идентичностей (Р. Коннелл, 1996; С. Ашвин, 2000), подразумевает совокупность разных гендерных режимов (или укладов), которые создаются действиями и стратегиями людей в рамках заданных институциональных

условий [9, стр. 164]. Для конкретных людей – мужчин и женщин – эти условия формируют спектр объективных барьеров и возможностей осуществления действий и жизненных проектов.

Подчеркивается, что важно *гендерное измерение* публичной сферы, которая всегда имела более высокий социальный статус, чем домашняя, приватная. Роль женской субкультуры состоит в сохранении существующей традиции, мужской – создавать новые качества (В.А. Геодакян, 1968), но обе они – две глобальные социальные общности, интегрированные в систему социальных отношений во всех сферах жизни общества и оказывающие влияние на развитие социальных явлений и процессов. Их равноценность и одновременно нетождественность создает взаимное дополнение друг друга, исключает возможность взаимодействия полов как «центр-периферия», «главное-второстепенное» (С.А. Ильиных, 2009). Однако общество по-иному их структурирует, что приводит к социальной иерархии, к гендерной асимметрии [12, с. 1], хотя они, изначально, являются равными по значимости и ценности, находясь в природно-социальном единстве относительно друг друга. Поскольку гендерные модели «конструируются» обществом, предписываются институтами социального контроля и культурными традициями, воспроизводство *гендерного сознания* поддерживает сложившиеся системы отношений господства и подчинения, разделение труда по гендерному признаку. В этом контексте *гендерный статус* выступает как один из конституирующих элементов социальной иерархии и системы распределения власти, престижа и собственности (Г.Г. Силласте, 1998), наряду с этнической и классовой принадлежностью (Л.П. Репина, 1999). Статусные характеристики мужчин и женщин устанавливают гендерные стереотипы (устойчивые, эмоционально окрашенные образы поведения и черт характера), а порой и конституируют гендерные различия и могут отрицательно сказываться на самореализации, выступать барьером в развитии индивидуальности [5].

В постиндустриальном обществе изменяются ценности культуры, в том числе, меняется гендерная система [21, с. 28], хотя сама по себе она является относительно устойчивой, представляет собой функциональное целое, по своему содержанию иерархическая и имеет возможность постоянно воспроизводиться с помощью социализационных механизмов. В свою очередь, система необязательно однородна и хорошо организована, но она обязательно содержит и внутренние противоречия [Бергер, Бурдье]. Поляризация в обществе привела к большей поляризации в плане гендерных взаимоотношений: граница между полами становится все более размытой, но, стремясь к достижению равенства, каждый пол микширует свою изначальную уникальность (Haslanger, 1995). Дифференциация между гендерной культурой и гендерной системой помогает раскрыть и объяснить важные аспекты разных связей и взаимосвязей, как и напряжений, разрывов, временных лагов во взаимоотношении культурных идеалов с социетальной практикой» [21, стр. 26-28]. Хотя в разных текстах обнаруживается смысловая близость между понятиями (гендерная – система, композиция, уклад, порядок и пр.), всестороннее понимание гендера выступает в качестве основания рассмотрения

социальных реалий с точки зрения *гендерного подхода*, расширяя предметное поле концептуальных оснований анализа.

Как фундаментальная константа *гендер* всегда имеет признаки институциональности и в современном обществе присутствует в виде совокупности ролей и статусов женщин и мужчин, которые являются равными по значимости и ценности, находятся в природно-социальном единстве относительно друг друга. Они выступают продуктом дискурсов, репрезентаций, материальных практик и закрепляются гендерными границами, в рамках которых воспроизводятся демографические и социокультурные проекты (Г.Г. Силласте, 2008). Гендерные отношения встроены в широкий класс общественных (где изучается «группа мужчин и женщин – общество (государство)» и анализируются гендерные представления), межгрупповых (рассматриваются «группа мужчин – группа женщин» и гендерные стереотипы), межличностных (исследуются системы «личность – личность», гендерные установки), внутриличностных (выявляется характер самоотношения и гендерная идентичность, как его детерминанта) отношений, где присутствует два слоя – объективный и субъективный. Основными параметрами исследования гендерных отношений являются *дифференциация* и *иерархичность* ролей и статусов мужчин и женщин как субъектов гендерных отношений [13]. «Такое гендерное устройство, где мужчины доминируют над женщинами, необходимо объединяет мужчин как группу, заинтересованную в охране статус-кво, а женщин – как группу, заинтересованную в его изменении» (R.W. Connell, 1995).

Анализ реального гендерного взаимодействия позволяет увидеть множественность, подвижность и проницаемость *гендерных границ* (Ю. Герсон, К. Пайс), которые лежат в основе культурных интерпретаций гендера, легитимации социального и гендерного порядка (Т. Парсонс), а не только поляризацию и жесткость фиксируемых ими различий, углубление гендерного конфликта (Н.Н. Коростылева, Р. Коллинз и др.). Современные исследования гендера очень политизированы, т.к. нередко роль науки сводится к продвижению принципа равноправия полов, однако это отнюдь не гарантирует равных возможностей для реализации прав. Гендерная поляризация – фактор, организующий общественную жизнь вокруг мужских и женских различий, формирующий культурную связь между полом и практически любым другим аспектом человеческого опыта.

Диапазон переменных, влияющих на эффективность межличностных взаимодействий может включать как *внешние параметры* (средовые и ситуативные, социальные и нормативные признаки, стандарты и ориентация культур), так и *внутренние*, индивидуальные характеристики (психический склад и определенные свойства личности, коммуникативная компетентность и опыт общения, целевая и мотивационно-смысловая стороны). Человек, чтобы успешно существовать в обществе, создает множество общепринятых стандартов поведения для взаимодействия с другими индивидами. Такие шаблоны, регулирующие поведение людей в обществе в определенном направлении, называют социальными *нормами*. Личность реагирует на других с

точки зрения стереотипов половых ролей, полученных в обществе и определяемых культурой. *Гендерное поведение* соответствует реальному «проигрыванию» принятых на себя каждым полом совокупности гендерных ролей, большое влияние оказывают и конкретные социальные ситуации (гендерная стратификация, гендерная асимметрия), традиции и нормы общества (гендерные стереотипы). Личностные импульсы и стремления обрабатываются социальными механизмами и, в конечном счете, «отливаются в формы», предусмотренные культурными эталонами. Начав с разбора мотивационных механизмов, действующих на уровне социализированной культурной личности, мы неизбежно выйдем на социальные системы и ценностно-нормативные структуры культуры.

Как «личностная конфигурация, общая для большей части членов общества вследствие общего для них раннего опыта, *базовый личностный тип* (А. Kardiner, 1945) предполагает, что:

- культурные традиции определяют уроки, которые родители будут давать своему ребенку, и способы обучения этим урокам;
- у различных культур – разные способы воспитания детей и разные уроки;
- ранний опыт ребенка оказывает прочное влияние на его личность;
- сходный опыт порождает сходные личности внутри данной культуры» [25, стр. 267].

Преобладанием того или иного полового типа во многом определяется деятельность человека, его умственная и творческая активность.

Принципиально новое, качественное состояние гендерных структур, характеризующееся нарастанием неопределенности, беспорядочности и плюральности в системе бинарной оппозиции «мужчина-женщина» выражает *«гендерная ризома»*. Выступая в качестве преферентной гендерной диспозиции, ризоматические изменения, по мнению Л.М. Богатовой (2007, 2009), сопровождаются сглаживанием и размыванием резких границ между феминными и маскулинными стереотипами, закрепленных нормативом культуры в качестве противоположных инстанций. Установлено, что гендерные представления и стереотипы в большей мере изменяются в направлении маскулинизации женщин, чем в направлении феминизации мужчин [13]. В атмосфере непрерывно нарастающего гендерного хаоса и раздвоенности мнений это «мина замедленного действия», что неизбежно выводит культуру на новый, однако губительный для ее дальнейшего существования, уровень [14, стр. 10].

Переоформление гендерных границ является ответом на изменения в социально-экономическом положении семьи, характерные для периода социальных трансформаций [15]. Отмечается, что достаточное количество граждан придерживаются традиционной идеи (патриархатный уклад жизни) распределения ролей в семейной и деловой сфере. «Нам следует ценить качества, связанные с тем и с другим гендером, но никак не гендерные различия» [16, стр. 122]. Существует и *половая конвергенция* (Е. Массобу, 1999), когда мужчины и женщины могут успешно работать друг с другом и

устанавливать хорошие взаимоотношения (L. Komives, 1991). В результате оппозиция мужского и женского перестает восприниматься как некая биологическая данность, акцент переносится на приобретение индивидом *андрогинности* как новой ценностной ориентации. Преодоление гендерной асимметрии связано с качественными преобразованиями субъективного фактора, которые затрагивают психологическую, идеологическую, интеллектуальную и организаторскую деятельность людей [14]. Переживание личностью гармонии либо дисгармонии мужественности и женственности является составляющей «андрогинпроцесса» [14] и моментом гендерной идентификации, факторами которой выступают биосоциальные и индивидуальные детерминанты, усилия самого индивида, его самоидентификация.

Структура психической и социальной жизни индивида, как отмечает Т.И. Ерошенко (2009) в контексте пола подвижна между полюсами, что подтверждает существование и микросоциального уровня [17]. Гендерное различие, как указывает М. Киммел (2007), в виде утверждения двух качественно различных сущностей является результатом гендерного неравенства, а не его причиной [18], которое само воспроизводит эти различия, используя их для его оправдания. Доминантно-зависимая модель отношений является базовой моделью гендерных отношений на разных уровнях социальной реальности и ее реализуют субъекты с традиционными тендерными представлениями, стереотипами и установками. При этом, как отмечает И.С. Клещина (2003), практики межличностных гендерных отношений отличаются более разнообразными моделями, чем практики межгрупповых гендерных отношений и отношений макроуровня. В результате взаимодействия субъектов гендерных отношений на макросоциальном уровне анализируется феномен «гендерного контракта», на мезоуровне – феномен гендерного неравенства в профессиональной сфере («горизонтальная и вертикальная профессиональная сегрегация»), на микроуровне – феномен «полоролевой дифференциации», на внутрличностном – феномены «кризис гендерной идентичности» и «гендерный конфликт» [13].

В процессе взаимодействия производятся и воспроизводятся коды культурно-смысловых значений правил (норм), их применения и первичной интерпретации на основе общих психологических механизмов формирования сознания индивидов, проявлением которого является *гендерное сознание*. Это обеспечивает, во-первых, пространственно-временную непрерывность, преемственность и повторяемость повседневных практик, и, во-вторых, постоянную перестройку стандартов поведения в зависимости от контекста повседневной социальной деятельности и стратификационно-полового состояния социальных отношений. Совпадение или несовпадение требований конкретных нормативно-ценностных практик, зафиксированных в общественном сознании, с личностно-субъективным выбором ценностных ориентиров определяет специфичность индивидуального их восприятия.

Гендерная асимметрия является предпосылкой как негативных, которые реализуются в гендерной эклектике, приводящей к гендерной дисгармонии, так

и позитивных гендерных отношений, ведущих к *гендерному партнерству* (Л.Н. Надолинская, 2008). Мужчины и женщины, сосуществуя в современной социокультурной реальности, занимая определенные позиции и обладая определенными статусами, только если они являются партнерами, вместе могут что-то созидать, трансформировать и гармонизировать социальные отношения. Главным условием для реализации их конструктивных отношений может быть не борьба, а консенсус, диалог и толерантность, партнерство. Их отношения должны быть «двусубъектными», это способствует их личностному, семейному и общественному совершенствованию и благополучию [19, стр. 228]. Механизм нивелирования гендерной асимметрии будет эффективным, если задействовать *три уровня*:

- уровень общественного сознания (комплекс мероприятий по просветительской работе);
- государственный уровень (образование института социального партнерства мужчин и женщин);
- уровень организации и индивида [12].

Один из инновационных подходов к разработке и оценке деятельности организаций и индивида, способствующий развитию демократических ценностей, справедливого и ответственного гражданского общества, есть *гендерная интеграция*, что предполагает учет социальных, экономических и культурных различий, существующих в обществе между мужчинами и женщинами для создания условий, в которых их человеческий потенциал мог бы быть реализован максимально эффективно. Социокультурная интеграция осуществляется благодаря воспроизводству и изменению социальных институтов, социальных ролей и мира смысло-значений, укоренения в обществе взаимопонимания, доверия, согласия как культурно-коммуникативной основы построения диалога (Р.Б. Шайхисламов, 2005). В Республике Беларусь эта стратегия институциональных преобразований находит обоснование во многих государственных документах (Кодекс «Об образовании», «Об основах государственной молодежной политики», «Концепция национальной безопасности», «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей для мужчин и женщин» и др.).

Составляющая пола существовала ранее в виде «горизонтального» (как второстепенного) параметра традиционных социально-психологических измерений, «не укладывающаяся в привычные дихотомические схемы» (И.С. Кон, 2000), уже сегодня (как и возрастной ингредиент) начинает претендовать на статус измерения «вертикального» [1]. Более уместно говорить сегодня не о равенстве полов, а о своеобразии и незаменимости каждого из них, поэтому современные исследователи воспринимают категорию гендера не как неизменную и универсальную конструкцию, а динамичную и подвижную. В культуру отношений входит не только умение правильно использовать предоставляемые полномочия, но также грамотно, профессионально анализировать происходящие процессы и получаемую информацию, изменять окружение и среду, изменяться самому. Это создает пространство для новой договоренности о гендерном укладе в презентации гендерного равенства как

предмета «*рефлексивной модернизации*» (U. Beck) на культурном уровне – публичный дискурс проблем гендерных отношений.

Компонентный состав *авторской модели* гендерной культуры личности представляет собой интегративную структуру, объединяющую такие *элементы*, как: гендерная картина мира (ГКМ) как система представлений человека о мире, о себе, других людях, гендерная идентичность (ГИ) как интегратор различных элементов Я-структуры, гендерно-ролевая позиция (ГРП) как готовность самостоятельно принимать решения в ситуации выбора, каждый из которых характеризуется своеобразием (динамичность, изменчивость, вариативность) проявлений. *Показателями* гендерной культуры выступают гендерная информированность (ГИф) в виде осведомленности и знания, уточняющего и расширяющего диапазон базового уровня – первичной гендерной картины мира; гендерная сенситивность (ГСс) как оценка себя и другого на основе осмысления и рефлексии в процессе идентификации; гендерная коммуникативность (ГКт), определяющая выбор гендерно-ролевой позиции (традиционной/эгалитарной) в социально-коммуникативном взаимодействии с представителями своего и противоположного пола, на основе согласованности которых и включенности в индивидуальное пространство сознания индивида *критериальных* составляющих (информационно-смысловые, эмоционально-оценочные, регуляторно-деятельностные), что в совокупности позволяет оценивать сформированность *гендерной компетентности* (ГКп).

Для эмпирического изучения гендерной культуры (ГК) студенческой молодежи (1965 человек, из них: 520 юношей и 1445 девушек, возрастной диапазон от 17 до 25 лет) использован комплекс психодиагностических апробированных («Гендерные роли» С. Бем, «Кто Я?» М. Кун, Т. Макпартлэнд, модиф. Т.В. Румянцевой, Г.В. Вержибок шкала FPI «маскулинность-фемининность», «Виды и компоненты толерантности-интолерантности» Г.Л. Бардиер, модиф. Г.В. Вержибок, «Пословицы» И.С. Клециной и авторских экспериментальных («Личностная, групповая, временная идентичность», «Автономность», «Ориентированность», «Структура ценностных ориентиров», «Удовлетворенность жизненными сферами») методик, контент-анализ эссе по вопросам подготовки молодежи к семейной жизни (схема-разр. Г.В. Вержибок).

Выборка составила 2785 человек, *студенты* разных вузов из регионов страны (Минск, Бобруйск, Полоцк) – 1965 человек (520 юношей и 1445 девушек, возрастной диапазон включал границы от 17 до 25 лет). При рассмотрении вопросов, касающихся гендерного распределения изучаемых признаков, общая выборка студентов была разделена на следующие группы: по возраст и полу, типу семьи (полная-неполная) и месту расположения учебного заведения (столица-регион). Для репрезентативности изучаемой социально-демографической группы применялся метод коррекции параметров выборки путем взвешивания и проведена коррекция полученных значений переменной «пол» на весовой коэффициент. Статистически данные обработаны с использованием программного обеспечения (SPSS 11.0 for Windows). В

результате выделены следующие эмпирические элементы структуры гендерной культуры (табл. 1):

- блок *гендерных ориентиров* (гендерная идентичность и гендерная ориентация как осознание и принятие себя при соотнесении оценочных суждений о гендерных группах и выбор гендерно-ролевой позиции – «ГО»);
- блок *идентификационных ориентиров* (структурно-динамические характеристики тождественности самому себе и целостность образа-Я как сформированность Я-концепции при выделении личностной идентичности через соотнесение оценочных суждений о себе и группах – «ПИ»);
- блок *пространственно-временных ориентиров* (социально-групповые и временные приоритеты как социальная и временная идентичность на основе сопоставления статусно-ролевых и позиционных соотношений – «ГИ», «ВИ»);
- блок *ценностно-смысловых ориентиров* (ценностные приоритеты индивидуального и социального порядка, их структуризация и иерархизация, проявления толерантности как уровень отношения к другим – «ЦО», «ВТ»);
- блок *результативности* (удовлетворенность разными сферами жизнедеятельности как критерий субъективного благополучия, социализированности и адаптивности – «УД»).

Таблица 1. Эмпирическая модель гендерной культуры (Г.В. Вержибок, 2011)

Компоненты (структурные элементы)	«Я – Я» (внутренняя согласованность)	«Я – Другие» (психосоциальное тождество)	«Я – Мир» (включенность в пространство)
Гендерные ориентиры	Гендерная идентичность	Отношение к гендерным группам Гендерная толерантность	Гендерно-ролевая позиция
Идентификационные ориентиры	Личностная идентичность	Групповая идентичность	Временная идентичность
Ценностные ориентиры	«Я» как ценность	Толерантность к другим	Ценности социального мира
Результативность	Удовлетворенность разными сферами жизнедеятельности		

Данные элементы ГК можно представить в виде системы упорядоченных значений мезо-, макро- и микроуровней, где система обращенности к себе как представителю определенного пола позволяет выстроить внутриличностную согласованность образов «Я» («Я – Я») и рассматривать как «принятое тождество самому себе» («Я» как ценность) в виде структурированной целостности личности. Это опосредует психосоциальное тождество со «значимым» окружением («Я – Другие»), когда характер отношения к гендерным группам определяет ценностные ориентиры, построение толерантности как качества личности, способы взаимодействий. Принятие ценностей социального мира и включенность в социо-культурное и временное пространство («Я – Мир») позволяет выстроить адекватную гендерно-ролевую позицию, определяя высокий уровень удовлетворенности различными сферами жизнедеятельности. Характеристики социального, индивидуального и гендерного порядка позволяют установить непрерывность, целостность и

устойчивость личности, выявить особенности становления и усвоения ГК, раскрыть направления практических действий по ее формированию.

1. *Категоризация понятийного поля.* Методом субъективной дефиниции проведено исследование значения слов, связанных с гендером (531 человек, юноши – 327 чел., девушки – 204 чел., 18-24 лет), которые должны были дать характеристику различным конструктам, употребляемым в повседневной речевой коммуникации: «Пол – это...», «Гендер – это...», «Мужчина – это...», «Женщина – это...». Многие испытуемые дали более одной дефиниции, было получено 869 разноплановых реакций, содержание которых моделировалось в определенные структуры. Свободный ассоциативный эксперимент позволил выявить специфику концепта «гендер», где на первый план выходит сфера значений пола, на периферии концепта наблюдается накопление противоречащих друг другу признаков. Овладение гендерными и языковыми поведенческими стереотипами имеет взаимный эффект: манифестация «гендера» находит отражение в языковых элементах, а языковая деятельность имеет гендерную специфику. Соединив семантические поля и проведя аналогию между параметрами семантического поля и категориальной структурой сознания, были выявлены маскулинный и феминный типы.

2. *Гендерная идентичность.* Установлено, что у молодежи, в основном, сформирована нормативная гендерная идентичность (87%), закреплены представления о содержании и исполнении гендерных ролей в обществе (74%), преобладающим выступает андрогинный тип ориентации (80%) при паритетном распределении традиционных канонов гендерных ролей среди девушек и юношей. Актуализация и значимость половой принадлежности определяется возрастом ($p=,002$) и порядком рождения ($p=,049$), целостность принятия себя зависит от возраста ($p=,001$), при этом в регионе отмечается большая полнота ответов ($p=,000$), эмоциональное отношение ($p=,000$) и рефлексивность ($p=,029$) связаны с образовательной средой. Обозначение пола в самоописаниях студентов определяется половозрастными и средовыми параметрами ($p=,000$), гендерные роли – образовательным пространством ($p=,002$) и направлены на эгалитарность на начальных курсах обучения ($p=,000$) в столичных вузах ($p=,028$), гендерные стереотипы юношей, проживающих в центре страны, отличаются традиционностью ($p=,044$) и большей позитивностью оценивания по сравнению с показателями девушек.

У *девушек* взросление связано с изменением взглядов и снижением позитивности гендерных ролей, *юноши* отличаются стремлением реализовать свой потенциал путем отстаивания гендерной позиции в группах женского большинства. Зафиксировано преобладание андрогинии и фемининных черт в мужском образе, в отличие от женского, который достаточно традиционен, отмечается снижение самооценки в соотношении с идеальным вариантом. Высокий уровень стереотипизации наблюдается примерно у половины испытуемых, у юношей практически в 2 раза выше (лидируют поведенческие признаки – 91%), чем у девушек (78% против 40%), у которых преобладает эмоциональный компонент (70%) при высокой степени значимости оценивания.

3. *Личностная идентичность.* При анализе аспектов «Персонального Я» как обобщенного показателя личностной идентичности в полной мере прослеживается поле резервных возможностей индивида. Так, ярко выражено «рефлексивное Я», достаточно стабильно «социальное Я», включающее многообразие ролевых позиций, отмечается неустойчивость становления «гендерного Я» как интериоризация мужских/женских черт и возрастная динамика ($p=,028$) с акцентом смещения на 3-ем и 5-ом курсах при большей устойчивости значений у *юношей*, чем у девушек. Отмечается включение достаточно полного и актуализированного потенциала при позитивно направленной тенденции принятия себя. Наименьший удельный вес зафиксированы в области «коммуникативного Я» и «перспективного Я», наиболее ярко выраженные в 18-19 лет с тенденцией при взрослении к снижению. Акцентируются внутренние, личностные характеристики при расплывчатости оценивания внешних идентификационных признаков.

4. *Групповая идентичность.* Определение групповой идентичности в виде стремления к независимой и равноправной позиции в общении с разными группами (мужская, женская, смешанная группы), степень дистанцирования или включения во взаимодействие с «Другими» соотносится, порой, с рассогласованием внутреннего «Я». Высокий уровень принятия себя как представителя своего пола мало ориентирован на «принятие других» (феминный тип), слабо структурирована личностная (андрогинный тип) и временная (маскулинный тип) идентичность. Гуманистическая направленность (положительное отношение к себе и другим при осознании своих достоинств и недостатков) является лидирующей (66%), хотя эгоцентризм отмечается у 41% опрошенных. Определены формы метаиндивидуальной репрезентации «значимого другого» (авторитет, аттракция, властные полномочия). Так, авторитетны и привлекательны «близкие», «женская» группы, эгоцентричность наблюдаются по отношению к «чужие» (69,2%), «смешанная» (60,5%) группы, паритетность характерна для группы «близкие» (32,6%), низкая отмечается по отношению к «чужим» (15,4%). Гендерные идентификаторы не только помогают определить «своих» и «других», но и вырабатывают систему оценок и предпочтений: как правило, «свои» репрезентируются в качестве нормы, «чужие» выступают порой в качестве обособления либо отвержения.

5. *Толерантность.* Практически по всем видам толерантности отмечаются половые различия выраженности показателей, кроме межличностной, которая проявляется у всех девушек и юношей с разным типом ориентации и уровнем «гендерного Я», выступая основанием общей толерантности, что объясняется желанием расширения сферы контактов, установления позитивного круга общения. Гендерная толерантность у студентов практически не зависит от регионального расположения (51,27 и 51,70), постепенно снижаясь по мере взросления, при этом, у первокурсников из региона значения выше по сравнению со студентами центральных вузов. С взрослением наблюдается тенденция к снижению межкультурной и межэтнической, варьированию межличностной и межпоколенной толерантности. Разнообразие видов толерантности и полнота представленности

отмечается у юношей с устойчивой гендерной идентичностью, однако у представителей маскулинного и андрогинного типов с высоким и низким уровнем гендерного самопринятия не присутствует толерантность к людям «другого этноса» и «другой культуры», а феминный тип отличает фрагментарность и маловыраженность проявлений. Для девушек характерна направленность на расширение межкультурной толерантности при достаточно слабой выраженности остальных видов и, по сравнению с юношами, «общая толерантность» представлена менее значимыми весовыми нагрузками.

6. Автономность. Этот показатель как свойство независимости и актуальная потребность в обретении самостоятельности не различается у *девушек* по группам возрастного развития и типу семьи, но оказывается выше у региональных представителей ($p=,02$), наиболее ярко проявляется на 4-ом курсе ($p=,04$). В *группах* с разным уровнем принятия «гендерного Я», выявлена связь автономности с проявлением индивидуализма при достаточно высокой степени принятия других, но нарушается сформированность групповой идентичности и варьируется временная идентификация. Так, у студентов с высоким уровнем гендерного самопринятия автономность определяет ориентированность и локализованность во времени, у лиц с низким уровнем отмечается опора на временную центрацию и «будущее».

7. Ориентированность. Наблюдается высокий уровень принятия «прошлого», размытость и нечеткость «настоящего», неопределенность «временной перспективы». Недифференцированность представлений о будущем, осознание низкой доступности лично значимых жизненных сфер приводит к пессимистическим прогнозам в отношении возможностей реализации своих ценностных устремлений. Хотя юноши и девушки имеют определенный круг представлений о своем будущем в плане долгосрочных жизненных целей, однако они неконкретны, идеализированы, при этом ответы показывают высокую степень недооценивания собственной активности в решении жизненных проблем, нежелании брать на себя ответственность, предрасположенность к конформному поведению.

8. Социальные ценности. По характеру распределения предпочтений по каждой социальной ценности отмечается превалирование признания «семьи» как важного поддерживающего фактора кооперации и поддержки (55%), значимо «материальное обеспечение» и «безопасность» как адаптивный потенциал (2 и 4 место), «друзья» и «работа» как включенность в социальное пространство (3 и 5 место). Значение «образованности» и «культуры» личности (6 и 9 место), «статуса» и личной «ответственности» (7 и 8 место) позиционируются как ценности необходимые, но не осознаваемые и не всеми принятые. В выборе социальных ценностей студенческая молодежь, в основном, относится к «индивидуализированному» типу (6,98) при практически паритетных значениях «адаптационных» и «социализирующих» приоритетов (8,27 и 8,75). По уровню предпочтений студенческая молодежь, в основном, находится на уровне индивидуально-базовых («безопасность») и ориентировочно-нормативных («социальность») приоритетов, частично – на социокультурном («образованность») уровне, «позиционность» и

«гражданственность» как социально-интегрированный и активно-деятельностный уровень находятся в стадии становления.

9. Удовлетворенность–адаптивность. Студенты с андрогинным типом ориентации принимают практически весь спектр смысло-жизненных ориентаций, управляют ситуацией ($r=0,25$) и направлены на «процесс» ($r=0,21$) при ясности «цели» жизни ($r=0,18$). У них происходит переживание настоящего как интересного, эмоционально насыщенного и наполненного смыслом процесса, присутствует наличие цели, ответственности и воли для принятия решений. Для феминных респондентов характерны гуманистическая направленность ($r=0,17$), повышенная индивидуальная ($r=0,22$) и общая ($r=0,19$) фрустрированность, снижение психологической адаптивности ($r=-0,17$). Это связано с принятием и уважением себя и других, что повышает адаптивные характеристики и помогает выстраивать партнерские отношения с другими. Маскулинные студенты характеризуются слабой выраженностью гуманистической направленности ($r=-0,21$) и индивидуальной фрустрированности ($r=-0,26$) при стремлении к «власти» ($r=0,16$) и стабильной адаптивности ($r=0,16$), но недостаточной, при этом, удовлетворенности социальными связями ($r=0,16$). Это может затруднять межличностные отношения либо в ущерб себе, либо в ущерб другим, характерное стремление к власти может порождать конфликты внешнего или внутреннего плана. У недифференцированного типа отмечается обратная связь с тенденцией к «аффилиации» ($r=-0,21$) и неудовлетворенностью семейным взаимодействием ($r=0,20$) и «управляемостью жизнью» ($r=-0,24$).

При выделении особенностей рассматриваемых признаков в разнополых группах, отмечаются многие дифференцирующие признаки. Так, например, для мужской выборки (520 чел.) характерны следующие моменты при сформированности и высоком уровне гендерной культуры:

- при оценивании себя у половины юношей присутствует высокая саморефлексия («рефлексивное Я») и социальная включенность («социальное Я») – соответственно, это 49,5% и 54,8%, сформировано «гендерное Я» (39,8%), однако проблемными для многих выступают «коммуникативное» и «перспективное» «Я» (43,4% и 55,8%);

- отмечается «эгоцентричность» (52,9%) и «паритетность» (36,8%) по отношению к «мужской группе», несколько сниженные, но практически такие же показатели выделены по отношению к «женской группе» (соответственно, 58,4% и 23,2%) с повышением значений у «смешанных групп», в связи с чем, имеет место быть высокой «автономности» (37,8%) при низком уровне «принятия других» (36,2%), хотя у многих декларируется «равноправная» гендерная центрация (67,5%) и «доминантность» (23%);

- наблюдается сбалансированность отношения к «будущему» (34,5%) при управляемости «прошлым» (68,3%) и «настоящим» (49,5%) временем, хотя у каждого пятого присутствуют проблемы с «ориентированностью» во временном пространстве;

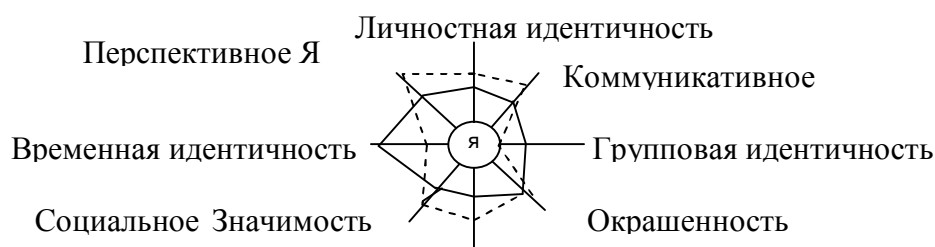
- у большинства респондентов выражен высокий уровень «гендерной» и «межличностной» толерантности (по 54,8%), но у каждого пятого – выявлено неудовольствие межпоколенными отношениями;
- по включению ценностей социального мира большинство находится на этапе выбора и принятия индивидуализационных ценностей (69,7%), проблемным выступает формирование гражданской позиции (30,9%);
- в связи с вышеуказанным, становится очевидным удовлетворенность в семейной, личностной и межличностной сферах жизнедеятельности у более, чем трети опрошенных.

Установлено, что у юношей при *высоком* уровне (111 чел.) гендерного самопринятия («гендерное Я») отмечается преобладание устойчивости «личностной идентичности», где проблемными выступают «перспективное» (68,6%) и «коммуникативное» (58,1%) пространство самоидентификации. Это свойственно всем трем типам гендерной ориентации, где лидируют представители маскулинного типа (43,9%), у которых зафиксирован как высокий, так и низкий уровень «групповой» и «временной» идентичности.

При *низкой* сформированности гендерной самоидентификации у юношей (175 чел.) наблюдается практически паритетное распределение гендерно-ориентационной направленности (по 1/3 из выборки), низкий уровень «социального» и «коммуникативного» блоков самопринятия (58,3% и 69,9%), «личностной» и «групповой» идентичности в маскулинной выборке, где достаточно устойчиво временное принятие.

По уровню гендерной самоидентификации установлены *различия* по всем показателям «личностной идентичности», в сфере принятия социальных ценностей по уровню ценностности «безопасность» ($S=0,05$) и «образованность» ($S=0,03$), где преобладают высокие значения, в отличие от ценностности «гражданственность» ($S=0,0007$), которые в недостаточной степени развиты в молодежной среде.

Для типичной представительницы женской выборки характерны:

В условиях трансформирующегося общества приоритет в современных социальных теориях и практиках начинает переходить от структурно-системной и институциональной составляющих к социально-культурным и деятельностно-субъектным (В.А. Ядов, 2000). В переходные периоды развития общества возникают новые ориентиры, потребности и интересы, на их основе перестраиваются и качества личности, характерные для предшествующего периода. Вопросы демократии, равенства возможностей, социальной мобильности крайне остры в обстановке нестабильности и изменчивости.

Поэтому необходимо изучать все аспекты проблемы, устранив смещение акцентов на какие-либо стороны, способы или позиции. Сложившаяся ситуация в гендерном хронотопе социума требует обновления научного дискурса, разработки и уточнения проблематики, конструирования новых ракурсов. Общество стоит перед необходимостью трансформации враждебности и агрессии в уважение, подавления силой в сотрудничество, коэволюцию, диалог как новое качественное фазовое состояние системы «мужское – женское» на макросоциальном уровне. Это в равной мере относится как к взаимоотношениям цивилизаций, так и к взаимодействию социума и людей.

Понимание того, как создается гендер, раскрыв его социальное происхождение и культурное своеобразие, позволяет прояснить специфику поддержания социальной структуры, выявить механизмы социального контроля, уточнить характер идентификационных процессов в обществе в целом и на уровне индивида, в частности, расширить диапазон личностной и социальной активности как способа достижения жизненных целей. Гендер служит не для того, чтобы сводить поведение к какой-либо модели, а для выявления его разнообразия и изменчивости. Переход от индустриального пути развития к постиндустриальному, ориентированному на человека, на раскрытие его социальной сущности, на решение глобальных социальных проблем повышает свободу и ответственность каждого человека, требует более вдумчивого и компетентного использования собственных возможностей, позволяет обратить внимание на некоторые аспекты отношений, ранее недостаточно используемые в реальной деятельности.

Резюме

Гендер, имплицитно содержащийся в культуре, уже в достаточно явной степени влияет на социальные отношения, которые определяют развитие общества в целом. Возникая как средство упорядочения социальных связей, на основе эмоционально-рефлексивного опыта множества поколений, гендерный конструкт встраивается в культурный и социальный контекст посредством господствующей идеологии. Помимо этого, неся в себе иерархию доминирования и подчинения, гендер является способом осуществления власти, всегда идеологически выдержан в рамках господствующей системы взглядов, оставаясь, в целом, патриархатно направленным. Сущность гендерной методологии состоит не просто в описании разницы в статусах, ролях и иных аспектах жизни мужчин и женщин, но в анализе власти и доминирования, утверждаемых в обществе посредством гендерных ролей и отношений стратификационного порядка. Поскольку социальные статусы действуют в рамках культурного пространства, это означает, что гендеру как статусу соответствует *гендерная культура*. Такое видение делает возможным анализ механизмов структурирования гендера в обществе. Включение в социокультурный контекст гендера посредством идеологии, порождает актуальную гендерную культуру, соответствующую исторически обусловленному хронотопу. Необходимо уточнить, какие нормы и ценности общества через культурные символы и стереотипы предписывается исполнять

женщинам и мужчинам в процессе социализации и ресоциализации, чтобы выстроить систему иных социальных отношений.

Литература

1. Грошев И.В. Психофизиологические различия мужчин и женщин / И.В. Грошев. – М.: Изд-во Моск. психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2005. – 464 с. – (Серия «Библиотека психолога»);
2. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.;
3. Здравомыслова Е.А. Объединительный (структурно-конструктивистский) подход в гендерных исследованиях / Е. Здравомыслова, А. Тёмкина // Российский гендерный порядок: социологический подход / под ред. Е.А. Здравомысловой, А.А. Тёмкиной. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. – С. 56-67;
4. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдьё; пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – 576 с. – (Серия «Gallicinium»);
5. Силласте Г. Гендерная социология и российская реальность: монография / Г. Силласте. – М.: Альфа-М, 2012. – 640 с.;
6. Пфау-Эффингер, Б. Опыт кросс-национального анализа гендерного уклада / Б. Пфау-Эффингер // Социологические исследования. – 2000. – № 11. – С. 24-35;
7. Клецина И.С. Развитие гендерных исследований в психологии / И.С. Клецина // Общественные науки и современность. – 2002. – № 3. – С. 181-191;
8. Connell, R.W. The state, gender, and sexual politics: theory and appraisal / R.W. Connell // Theory and Society. – 1990. – Vol. 19. – No. 5. – P. 507-544;
9. Клецина И.С. Теоретические проблемы гендерной психологии / И.С. Клецина // Мир психологии: науч.-метод. журнал. – 2001. – № 4 (28). – С. 162-179;
10. Геодакян, В.А. Теория дифференциации полов в проблемах человека / В.А. Геодакян // Человек в системе наук. – М., 1989. – С. 171-189;
11. Российский гендерный порядок: социологический подход: коллективная монография / под ред. Е.А. Здравомысловой, А.А. Тёмкиной. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. – 306 с. – (Труды факультета полит. наук и социологии; Вып. 12);
12. Ильиных, С.А. Гендерная концепция организационной культуры: монография / С.А. Ильиных; Новосибирский гос. ун-т экономики и управления. – Новосибирск: НГУЭУ, 2009. – 234 с.;
13. Клецина И.С. Психология гендерных отношений: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.05; Рос. гос. педагог. ун-т им. А.И. Герцена / И.С. Клецина. – СПб., 2004. – 460 с.;
14. Богатова, Л.М. Феноменология пола: социально-философский дискурс проблемы: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Л.М. Богатова; Татарский гос. гуман.-пед. ун-т. – Казань, 2009. – 47 с.;

15. Чернова, И.И. Гендерные отношения в социальной стратификации современного общества: состояние, перспективы развития: монография / И.И. Чернова. – Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии госуд. службы, 2001. – 185 с.;
16. Берн, Ш. Гендерная психология / Ш. Берн. – СПб.: прайм-ЕВРОзнак; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2001. – 320 с. – («Секреты психологии»);
17. Ерошенко, Т.И. Мужское и женское: биполярность и целостность / Т.И. Ерошенко. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского государственного педагогического университета, 2006. – 172 с.;
18. Киммел, М. Гендерное общество / М. Киммел: пер. с англ.. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 464 с. – (Серия «Гендерная коллекция – зарубежная классика»);
19. Надолинская, Л.Н. Конструирование гендерного дискурса и стратегии гендерного партнерства: автореф. дис. ... докт. филос. наук: 09.00.11 / Л.М. Надолинская; Южный федеральный ун-т. – Ростов-на-Дону, 2008. – 51 с.;
20. Клецина, И.С. Теоретические проблемы гендерной психологии / И.С. Клецина // Мир психологии: науч.-метод. журнал. – 2001. – № 4 (28). – С. 162-179;
21. Pfau-Effinger, B. Gender cultures and the gender arrangement – a theoretical framework for cross-national comparisons on gender // Innovation: the European Journal of Social Sciences. The Spatiality of Gender, ed. By S. Duncan. – 1998. – № 2. – P. 147-166;
22. Giddens, A. Central problems in social theory: action, structure and contradiction in social analysis / A. Giddens. – Berkeley, University Of California Press, 1979. – 294 p.;
23. Giddens, A. The transformation of intimacy: sexuality, love and eroticism in modern societies / A. Giddens. – Stanford (Cal.): Stanford Univ. Press, 1992. – 212 p.;
24. Коган, И.Л. Гендерная культурология: культура пола и «пол культуры» / И.Л. Коган. – Минск: Ковчег, 2003. – 336 с.;
25. Олпорт Г. Становление личности. Избранные труды. М.: «Смысл», 2002, С. 462.

Social and cultural areas of gender relationsreproduction

The article reveals the hierarchized creation of the public structures which determine the nature of gender relations and individual concepts of "male" and "female." The analysis of the current state of social and cultural rights and the determination of gender relations is made; the author's model of gender culture and its approbation on a student's sample is offered. Examples of individual indicators are offered and recommendations for practical actions are made.

Keywords: gender relations, gender representations, social space, cultural space.

Сведения об авторе.

Вержибок Галина Владиславовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии Минского государственного лингвистического университета (МГЛУ).

© Вержибок Галина Владиславовна, 2012.

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, №3. - 2012.